

ВЛИЯНИЕ ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМА НА МАРКСИЗМ. НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЛЕВОЙ МЫСЛИ

Аннотация

Статья посвящена влиянию постструктуралистской мысли на марксистскую идеологию. Автором раскрыты исторические предпосылки возникновения постструктурализма, отмечен контекст зарождения нового левого дискурса и проанализированы основные концепты, повлиявшие на формирование новых стратегий борьбы для левых движений против капиталистической системы. Выдвигается предположение о теоретико-методологическом влиянии французского постструктурализма на марксизм, которое выразилось в появлении новых течений внутри марксистской мысли.

Ключевые слова: марксизм, структурализм, постструктурализм, левая идеология, дискурс, постмарксизм, капитализм.

Автор

Карулин Андрей Алексеевич

Студент Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия)

Исторический контекст

Вторая половина XX века ознаменована крупнейшим социально-политическим бунтом во Франции — в 1968 г. страна была охвачена студенческими беспорядками. В этот исторический момент социальный бунт под левыми лозунгами дополнился тектоническими сдвигами в гуманитарной мысли: структурализм постепенно сменялся постструктурализмом, который иначе расставлял акценты в изучении общественно-политической реальности. «Структуры не выходят на улицы», — гласил один из ярких лозунгов тех событий. Бурное развитие капитализма после Второй мировой войны [12. — Р. 4] не предотвратило появление «новых левых», критически настроенных к капиталистическому обществу массового потребления. В их рядах были разнородные элементы: от леворадикальной молодежи до рабочих активистов. Само движение было эклектично по своей природе — в нем

были манифестированы идеи троцкизма, анархизма и, конечно же, марксизма. Идеологический базис движения можно свести к следующим ценностям: отстаивание идеи самоуправления, личных человеческих свобод, а также социальной справедливости и солидарности.

Новая экономическая парадигма создавала для пролетариата комфортные условия существования — данный факт сводил тезис о «борьбе пролетариата против эксплуатации» к банальному лозунгу, ибо рабочий класс видел изменения и давно их хотел. Британский исследователь Пол Мейсон отметил пассивность рабочего класса из-за комфортных условий жизнедеятельности в послевоенный период, обеспеченный капиталистической экономикой [7. — С. 278]. Таким образом, на место былого революционного субъекта на арене общественно-политических отношений выходят «новые левые».

Они противопоставляли себя и коммунистической партии Франции, которая идентифицировала себя как партия порядка, не намеренная сотрудничать с новым субъектом власти: партия не считала студентов авангардом социальных перемен, поэтому была закрыта для новых прогрессивных веяний и идей того периода — недаром Мишель Фуко в интервью 1983 года отмечает, что именно Социалистическая партия Франции является наиболее «живой» и «открытой» по отношению к новым тенденциям и современным мыслям [9]. Марксистский дискурс нуждался в новых интерпретациях и перестройке сообразно новой реальности, ведь идея физического устранения власти теряла популярность, а революционность рабочего класса подвергалась критике, поэтому левой мысли было необходимо искать новые места борьбы. Французский постструктурализм, по нашей гипотезе, предоставляет марксизму подобные возможности для критики буржуазного и капиталистического порядка.

«Снятие» структурализма и рождение постструктурализма

Структурализм был популярен в 1950-е годы во Франции, и его суть сводилась к тому, что в мире существуют объективные структуры, довлеющие над индивидом, — роль субъекта уходила на второй план исследования, так как индивид определялся структурой, а значит, его действия, мотивы, желания уже предопределены ей. Следовательно, индивид реализует себя в социуме, исходя из своего положения в структуре: «Структурализм стал трактовать субъекта, его осознанные мотивы и побуждения, его сознание и самосознание не как исходную точку отсчета для научного объяснения, но как вторичное образование, в основе которого лежит бессознательное функционирование знаково-символических систем культуры» [1. — С. 186]. Тем не менее

нивелирование субъективной деятельности до атомарного существования индивида в самой структуре приводило интеллектуалов того периода к новым вопросам и осмыслению проблемных точек структурализма. Примечательно высказывание французского философа марксистских взглядов Люсьена Сэва относительно упадка структурализма в изучении общественных отношений и тех проблем, с которыми столкнулась структуралистская мысль: «Структурализм не видит диалектических противоречий в историческом процессе, поэтому он не в состоянии установить подлинные причины общественных явлений, объяснить, что обуславливает возникновение различных социальных структур, какие факторы определяют их развитие и изменение» [8. — С. 79]. Для марксизма в целом подобная интерпретация исключала революционность какого-либо субъекта, сводя все процессы к бессознательному бытию структур, — назревавший кризис структуралистского подхода обусловил зарождение постструктуралистского дискурса.

Постструктуралистская мысль развивалась в разных направлениях, но в контексте данной работы прежде всего представляет интерес политическая составляющая критики. Необходимо отметить исследование власти и властных отношений, пронизывающих все общество, а дискурсивная природа последнего дает возможность говорить о важности текстуальной составляющей реальности.

Реальность как текст

Постструктуралистская мысль представляет весь мир как текст, где возможны различные интерпретации и стили изложения, где истина, как «трансцендентальное означаемое», уступает место дискурсивности пространства социального: «Внетекстовой реальности вообще не существует» [3. — С. 43], — заявил Жак Деррида,

редуцируя реальность до текста и языковых игр. Он открыл новое пространство для критики капиталистической системы. Теперь реальность возможно конструировать при помощи дискурсов, наделяя смыслом и интерпретациями различные события и явления. Стоит отметить, что реальность не просто объективно существует в отрыве от текста — она всецело подчинена ему и определяется им. Важную роль начинает играть контекст сказанного внутри какого-либо модуса реальности [11]. Например, марксизм смог развиваться в разных ипостасях и направлениях в различных точках мира: в Европе или СССР, в Северной и Южной Америке или на Ближнем Востоке — везде мы получим разные интерпретации тех или иных положений учения К. Маркса.

Текст обладает различными смысловыми вариациями, он плюралистичен и не репрессивен, в нем нет иерархизированных уровней власти. Идеология по своей природе тяготеет к догме и становится ей, если не развивается и не обогащается новым опытом и знаниями. Постепенно подобная идеологическая система замыкается на самой себе и закрывается от внешнего мира, превращаясь в догму для повиновения. Постструктурализм же не предоставляет возможности для подобного поворота — текст способен разрушить монолитную идеологическую систему благодаря критике и анализу ее особенностей и основных постулатов.

Дискурс как основной фронт борьбы

На арене политической борьбы возникают дискурсы, сражающиеся за власть над смыслами в обществе — иерархия разрушается, и на авансцену борьбы выходит диссеминация смыслов и означающих, целый пласт возможностей для высказываний и интерпретаций [14. — Р. 441]. Несмотря на наличие огромного количества дис-

курсов, борющихся между собой, они имеют претензии на власть и установление «своего» порядка [10. — С. 51]. Именно поэтому марксистская критика должна фокусировать внимание на капиталистическом дискурсе и всем том, что он производит и порождает в объективной реальности: в социальной и культурной сферах, политической коммуникации и др. Благодаря дискурсивной деятельности капиталистическая реальность создает различные «культурные» продукты и социальные практики. Например, «Капитал» К. Маркса сегодня издается большими тиражами и продается в различных книжных магазинах, невзирая на то, что эта книга прямо критикует капиталистический уклад и является для капитализма главным антагонистом: фигура Маркса инкорпорировалась в культурное пространство капитализма. Другой пример можно наблюдать в воспроизводстве социальных практик — так, формирование культуры потребления при помощи современной рекламы стало неотъемлемой частью обыденного образа социального поведения. Так или иначе дискурс связан с властными отношениями, они имманентно содержатся в нем и формируют общественно-политические практики: «Дискурсы раз и навсегда подчинены власти или настроены против нее», — подчеркивает М. Фуко [10. — С. 117]. Таким образом, акценты смещаются в сторону борьбы в дискурсивном пространстве при помощи протаскивания собственного дискурса внутрь системы для обретения гегемонии в социально-политическом пространстве.

Подобные стратегии можно проследить на примере ситуационистского левого движения во главе с Ги Дебором. Ситуационисты были уверены, что капиталистический этос начал проникать во все сферы общественных отношений, разрушая тем самым рамки приватной жизни человека. Таким образом, капитализм овладевал разумом индивидов и мог манипулировать им

в обыденной жизни. Обилие товаров, возможностей и ресурсов удовлетворения потребностей отвлекало общество от насущных проблем. Рабочий класс же подвергался подобному эффекту и терял революционность, живя в иллюзиях и бесконечном созерцании. Его представителей не устраивало подобное положение дел, поэтому они ушли в тотальную критику «Общества спектакля» при помощи создания различных «ситуаций», которые подрывали бы капиталистический порядок и напоминали обществу об иллюзорности происходящего [15. — Р. 138]. Подобная революционность заключалась, к примеру, в постоянной политической агитации, актах неподчинения, акционизме и создании метафоричных лозунгов.

Говоря о форме политической организации, Ги Дебор настаивал на создании автономных субъектов власти, в отличие от традиционных левых партий, так как подобные политические образования рано или поздно будут интегрированы в систему капиталистических отношений и сепарируются от рабочего класса, чьи интересы они представляют [4. — С. 47]. Таких стратегий придерживалась и леворадикальная группа теоретиков движения «Социализм или Варварство». Они отмечали необходимость борьбы с капиталистическим отчуждением в общественной сфере жизни, «а также последующий конфликт и раскол во всех сферах, аспектах и моментах социальной жизни» [13. — Р. 11]. Обе группы действовали именно в дискурсивном пространстве, подрывая своей деятельностью господствующий дискурс капитализма.

Детерриториализация/ ретерриториализация — вклад Делёза и Гваттари

Жиль Делёз и Феликс Гваттари в качестве критики капиталистического дискурса предложили новые концепты пространственного мышления — де-

территориализацию и ретерриториализацию социального пространства.

Территория — пространство, присвоенное той или иной группой индивидов или, в широком смысле, социальной системой, воспроизводящей на данной территории собственный этос, а следовательно, экономические, политические, социальные, культурные и идеологические структуры. Следует отметить, что пространство постоянно комбинируется и рекомбинируется — оно ризоматично по природе, в нем нет четких иерархий, но есть более и менее интенсивные связи, переплетение социальных субъектов. Подобные ризоморфные системы состоят из множеств, которые не являются ни субъектом, ни объектом, но могут таковыми стать, если осознать свою субъектность: «Понятие единства появляется лишь тогда, когда в множестве власть захватывает означаемое или когда в нем производится некий процесс, соответствующий субъективации» [5. — С. 15]. В политическом разрезе это означает, что множество может осознать свои цели и желания, политически мобилизоваться и выступить против системы, но капитализм при помощи массмедиа, культуры потребления отчуждает человека от самого себя — это препятствует включению индивида в политический процесс, потому что в эпоху общества потребления массы воспринимают политику как театральную игру, спектакль для развлечения. Таким образом, «политика стала “спектаклем”, политики — актерами, а народ — публикой на политическом представлении» [2. — С. 175].

Тем не менее внутри подобных территорий существуют маргинальные слои общества, анклавов, косвенно интегрированные в пределы территории и сам социум. Делёз отмечает, что на протяжении всего существования индивиды могут выходить за грани своей территории — детерриториализоваться, то есть ускользать от системы, от ее репрессивности, сопротивляться ей. И наоборот — любой

процесс детерриториализации может перетечь в ретерриториализацию, когда территория восстанавливает свое значение, появляется система, а вместе с ней и аппарат принуждения. Данный процесс можно представить в качестве диалектического процесса постоянного движения пространства. Экстраполируя данные категории на исследование марксизма и капитализма, Делёз демонстрирует становление капиталистической системы [15. — С. 79].

Именно процесс ретерриториализации способен инкорпорировать в новые рамки территории противоборствующих субъектов, закрепить их снова в пределах порядка и власти. Как подчеркивает Делёз, «абсолютная детерриториализация не обходится без ретерриториализации. Философия ретерриториализуется в концепте. Концепт — это не объект, а территория. И вместо Объекта у него — некоторая территория» [6. — С. 40]. Марксизм, по мысли авторов, превратился в закрытую идеологическую и догматичную систему благодаря процессу ретерриториализации, сковавшей его возможности развиваться дальше на основе актуальных идей и современных вы-

зовов. Политически он оказался недееспособен, а его возможности весьма ограничены, поэтому в нынешнем положении левый дискурс должен быть постоянно *детерриториализован*. Для обеспечения этого необходимо расширять границы концептов и их революционность, не давая капитализму ретерриториализоваться.

Вывод

Подобные постструктуралистские концепции серьезным образом повлияли на формирование марксистской мысли после 1968 г. Постструктурализм, исходя из проведенного исследования, предоставил множество теоретических концептов для критической линии левого дискурса — это повлияло на формирование нового теоретического явления — постмарксизма, который сосредотачивает внимание на критике идеологической составляющей капиталистической системы, где традиционные методы ведения борьбы отбрасываются ими как отжившие стратегии сопротивления капитализму и перемещаются в плоскость критики культурного дискурса капиталистической системы.

Литература

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках: Критический очерк концепций французского структурализма. — М., 1977. — 269 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. — Республика, 2006. — 179 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000. — 512 с.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. — 183 с.
5. Делёз Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свицкого; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. — Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. — 895 с.
6. Делёз Ж. Что такое философия? / Ж. Делёз, Ф. Гваттари; пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. — М.: Академический Проект, 2009. — (Философские технологии). — 261 с.
7. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. — М.: Ад Марингем Пресс, 2016. — 416 с.
8. Сэв Л. Оструктурализме. Заметки об одной из сторон идеологической жизни Франции // Проблемы мира и социализма». — 1971. — № 6. — С. 79–83.
9. Фуко М. Структурализм и постструктурализм. — URL: <https://syg.ma/@nikita-archipov/mishiel-fuko-strukturalizm-i-poststrukturalizm>.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. — М.: Касталь, 1996. — 448 с.

11. *Caputo J.D.* For Love of the Things Themselves: Derridas Hyper-Realism. — URL: <http://www.jcrt.org/archives/01.3/caputo.shtml>.
12. *Crafstand N.* Postwar Growth: An Overview / N. Crafstand, G. Toniolo // Economic Growth in Europe since 1945. — Cambridge, 1996. — 37 p.
13. *Cardan P.* Modern Capitalism and Revolution. — London: Solidarity, 1974. — 102 p.
14. *Derrida J.* L'écriture et la difference. — Paris, 1967. — P. 441.
15. *Questionnaire* // Internationale Situationniste. — 1964. — № 9 (цит. по: Situationist International Anthology. — Berkeley, 2006. — P. 532).